

Молога

истории, которых не было, про события, которые были

Действующие лица:

Анна - садовод, на пенсии

Иван – муж Анны, плотник, на пенсии

Галя – соседка Анны и Ивана, уборщица в интернате для беспризорников, 30 лет, из-за пожара временно живет у Анны и Ивана

Петька – наемный работник, плотник

Тетя Стёпа – соседка, известная сплетница

Пашка – лет 12-13, сирота

Рассказчик - повзрослевший Пашка

Женщина в черном

Капитан НКВД Иванов

Председатель Горисполкома Назаров

Рабочие ВОЛГОСТРОЯ

Конвой НКВД

Действие происходит с 1936-го по 1941 гг.

*Все персонажи (кроме Пашки и офицеров НКВД) – соседи, живущие рядом в переулке
Свободы.*

На новые места

В связи с сооружением Волгостроя в районе Молого-Шекснинского междуречья (Ярославская область) создается громадное водохранилище площадью около 5 тысяч квадратных километров.

Из затопляемой зоны Волгостроя жители переселяются на новые места.

ТАСС

Указ о ликвидации Мологского района Ярославской области

В связи с предстоящим затоплением части территории Мологского района Ярославской области в районе строительства Рыбинского гидроузла:

1. Ликвидировать Мологский район Ярославской области.

2. Считать упраздненными город Мологу и сельские советы: Бабкинский, Кулигский, Леонтьевский, Новолокский, Рынди́нский и Становский.

1936 г.

ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Поеха благовѣрный и великий князь Георгий из града Ростова, и приеха во град Ярославль, что на берегу Волги рѣки стоит. И сѣде в струг, и поеха на низ по Волгѣ, и приста к берегу в Малый Китежь, что на берегу Волги стоит, и построи его.

Сам же благовѣрный князь Георгий поеха с мѣста того сухим путем, а не по водѣ. И перееха рѣку Узолу, и вторую рѣку перееха именем Санду, и третью рѣку перееха именем Саногту, и четвертую перееха именем Керженец, и приеха к озеру именем Свѣтлояру. И видѣ мѣсто то велми прекрасно и многолюдно. И по умолению их повелѣ благовѣрный князь Георгий Всеволодович строити на берегу озера того Свѣтлояра град именем Большой Китеж, бѣ бо мѣсто то велми прекрасно, и на другом же брежѣ озера того роща дубовая.*

*Поехал благоверный и великий князь Георгий из города Ростова и приехал в город Ярославль, что на берегу Волги-реки стоит. И сел в струг, и поехал вниз по Волге, и пристал к берегу у Малого Китежа, что на берегу Волги стоит, и отстроил его.

Сам же благоверный князь Георгий поехал с места того сухим путем, а не по воде. И переехал реку Узолу, и вторую реку, именем Санду, и третью реку переехал, именем Саногту, и четвертую переехал, именем Керженец, и приехал к озеру, именем Светлояру. И увидел место то, необычайно прекрасное и многолюдное. И по умолению его жителей повелел благоверный князь Георгий Всеволодович строить на берегу озера того Светлояра город, именем Большой Китеж, ибо место то было необычайно прекрасно, а на другом берегу озера того была дубовая роща.

РАССКАЗЧИК. Мне часто снится Молога – город, в котором я родился и которого больше нет. Это всегда один и тот же сон: будто бы я – это не я, а Анна Григорьевна, жившая в Мологе по адресу переулок Свободы, дом два. И будто бы ей, а не мне, снится странный сон: я вижу монахиню, бредущую по ржаному полю. И поле это постепенно заливается водой. Вода поднимается, становится все выше и выше, доходит до колен, до пояса, до шеи. Еще чуть-чуть – и я утону, то есть не я, а монахиня, которую видит во сне Анна Григорьевна. Анне Григорьевне становится страшно, и она просыпается...

Молога. Май 1936 года.

Дом Анны и Ивана.

Анна просыпается. Рядом с Анной храпит ее муж Иван.

АННА (*толкает мужа*). Ванька! Ванька! Проснись, дурында! Печь остыла уже. Слышишь? Да вставай же, бездельник!

ИВАН. А я, может, спать хочу.

АННА. Опять с Петькой вечером пьянствовал? Он-то молодой, а ты? Старый хрен, а туда же. Раньше-то чего не пил, дурында?

ИВАН. Не хотел.

АННА. А потом отчего захотел?

ИВАН. А потом тебя встретил и захотел.

АННА. Иди за дровами, шутник!

ИВАН (*тихо*). А я, может, не шучу...

АННА. А я, может, сейчас как возьму кочергу в руки...

ИВАН. Все-все, и пошутить нельзя...

АННА. Мне, слышь, опять снилась она.

ИВАН. Опять снилась? Пойду лучше за дровами.

АННА. Стой-стой, слушай. Снилась, значит, мне та же самая монахиня. Брела по ржаному полю, которое заливало водой. Только в прошлый раз вода ей по грудь была, а сейчас уже совсем-совсем близко подступила, - к горлу почти.

ИВАН. Ну, в следующий раз, значит, утонет.

АННА. А может, выплывет?

ИВАН. Да лучше б утонула и перестала тебе сниться. Надоели обе со своими снами.

АННА. Это знак какой-то. Сон в руку. Может, утону я? Слышишь меня? Утону я, как думаешь?

ИВАН (*тихо*). Ты-то утонешь, жди-дожидайся...

АННА. Что?

ИВАН (*громко*). Я говорю, кто ж тебе даст утонуть-то?

АННА. Тихо-тихо, Галина еще спит. Мне кажется, она опять ночью плакала. Не слышал?

ИВАН. Да нет.

АННА. Еще бы, куда тебе слышать! Залил водку по самые уши! Я тебе что вчера сказала - иди и пей с Петькой, пока не захрюкаешь?

ИВАН (*тихо*). Если бы...

АННА. Чего?

ИВАН. Никак нет, говорю.

АННА. А что я тебе сказала?

ИВАН. Сказала, чтоб я пошел и поговорил с Петькой по-мужски.

АННА. Вот! Поговори с ним по-мужски, говорю, дурында! А не пей с ним, пока не упадешь и пока жена тебя не потащит за шкуру домой! Ну и?

ИВАН. Ну и поговорил.

АННА. А он что?

Из соседней комнаты выглядывает ГАЛИНА.

ГАЛИНА. Доброе утро!

АННА. Доброе-доброе, соседушка! А мы чай-то не поставили еще! Ванька! Ну-ка быстро топи печку!

ГАЛИНА. Спасибо, тетя Ань! Мне уже на работу надо, не успею чаю выпить. А давайте я за дровами схожу?

АННА. Ну что ты, что ты, Галочка.

ИВАН. Нет-нет, Галочка, я сам, я сам! Ты на работу собирайся, не беспокойся! Я и сам могу ходить - я еще ого-го!

АННА (*тихо*). Ну да, ну да.

ИВАН. Я все слышу!

ГАЛИНА. Давайте, я быстро. А то мне неудобно, - третий месяц не даете мне ничего по дому делать.

Уходит.

АННА. Так что тебе Петька сказал?

ИВАН. Ну, я к нему подхожу - он как обычно у нас под окнами Галину высматривает. С гитарой приперся.

АННА. Ну, быстрее, дурында, Галя вернется сейчас.

ИВАН. А я, может, хочу все в деталях описать.

АННА. Нашелся тут летописец! Ты главное скажи - серьезно он настроен?

ИВАН. Вот это я не понял.

АННА. Ну, болван! Ну, дурында! Отправила его разведать обстановку, а он только нахрюкался!

Галина возвращается с охапкой поленьев.

(Осекается, громко.) И кто вчера топтался на моих петуниях обыкновенных? Все цветы поломали!

ИВАН. Это не я. Я тоже пострадал - еще и мою морковку потоптали.

АННА. Твоей морковке от этого ни жарко, ни холодно, а мои петунии очень хрупкие.

ИВАН *(тихо)*. От твоих петуний никакого проку, а моя морковка...

АННА. Что?

ИВАН *(громко)*. Ничего, говорю, ничего!

АННА. Как спалось, Галочка?

ГАЛИНА. Плохо, тетя Ань. Мне опять снилось, как дом мой горит. А я стою, как и тогда стояла, и смотрю на него. И ничего поделать не могу.

ИВАН *(тихо)*. У нас тут не дом, а изба-сновидальня какая-то. Одну топят, вторая горит.

АННА. Ничего, Галочка, все пройдет. Скоро тебе Ванька с Петькой такой дом отгрохают вместо старого!

ГАЛИНА. Ох, не знаю, ваш Петька пока только пьет, на гитаре играет да ко мне пристаёт. Дядь Вань, может, другого помощника поищите? Мне посоветовали одного, он помогал к детскому дому пристройку делать.

АННА. Что ты, что ты! У Петьки руки золотые! Вот такой парень! Да, Иван?

ИВАН. Ага.

АННА. Он нам как сын почти. Ванька за него ручается, да, Вань?

ИВАН. Угу.

АННА. Просто не повезло ему в жизни, вот и пьет. А рукастый такой... ух.

ГАЛИНА. Да уж, я заметила, что рукастый... так и норовит меня ухватить... Побегу я, тетя Ань. До вечера, дядь Вань.

АННА. Ты это... насчет Петьки... дай ему шанс.

ГАЛИНА. Разве что последний... До вечера.

Галина уходит.

АННА. Так, Иван, слышал? Последний шанс у Петьки! Иди к нему и допроси его! Да не так, как вчера!

ИВАН. Прямо сейчас что ли?

АННА. Прямо сейчас!

ИВАН. Я, вообще-то, делом хотел заняться.

АННА. Каким? Опять свою ерунду выпиливать?

ИВАН. Не ерунда, а изделия.

АННА. Пошел, пошел, никуда деревяшки от тебя не денутся! И так полон дом твоих безделушек! И не пей там, слышишь? А то домой не пущу!

ИВАН (*тихо*). Опохмелиться-то можно...

АННА. Я все слышу! Иди давай.

Двор переулка Свободы.

Напротив дома Анны и Ивана Петька строит дом Галины.

Петька – явно похмельный. Рядом с ним – бутылка водки и букет из петуний. Петька пытается привести себя в порядок – расчесывает пятерней взлохмаченные волосы.

ПЕТЬКА (*репетирует*). Здравствуй, Галя. (*Протягивает букет.*) Вот, решил как бы в качестве, так сказать, извинения... Галя, доброе утро... Слушай, вот вчера под окном у тебя пьяный орал – это, конечно, плохо. Хотел эту... как ее... серенаду спеть... Не увольняй меня, пожалуйста. Осознаю, раскаиваюсь. Держи букетик. Галка, привет. Ну, как жизнь молодая?

Из дома выходит Галина. Наблюдает за Петькой. Петька ее не замечает.

Галина Сергеевна, предупреждаю - со мной шутки плохи. Я к тебе тык-мык, так сказать, а ты что, Галина Сергеевна? Последнее мое предложение – или ты берешь букет, или будут серьезные последствия...

ГАЛИНА. Это какие, интересно?

ПЕТЬКА. О! Кто это к нам пожаловал? Неужто солнышко наше встало?

ГАЛИНА. Ты спал здесь, что ли?

ПЕТЬКА. Никак нет. Спал у себя дома. А потом к невесте своей пошел.

ГАЛИНА. Почему же ты тогда здесь сидишь?

ПЕТЬКА. Галка, какая же ты у меня глупенькая! Ты ж моя невеста!

ГАЛИНА. Ну уж нет, лучше убейте меня.

ПЕТЬКА. Ничего-ничего. Все так говорят, а потом за мной бегают. А это тебе.

Петька протягивает Галине бутылку. Увидев ошибку, меняет на букет.

Ой, то есть вот.

ГАЛИНА. Когда мой дом достроишь?

ПЕТЬКА. Скоро, Галина, скоро. Как взаимностью мне ответишь, так сразу и дострою нам дом...

Галина проходит мимо Петьки.

Ну, Галка, ну! Я ж это ради тебя у тети Ани с клумбы спер! Эти, как их... петушки необыкновенные! А ты... неблагодарная... *(Когда Галина уже скрывается из виду.)* Влюблена, сразу видно...

Из дома выходит во двор ИВАН.

(Ивану.) О, Степаныч! Ты как раз вовремя! Будешь?

Петька протягивает Ивану букет, чертыхнувшись, меняет на бутылку.

ИВАН. Ну... разве что немного. Разговор у меня к тебе. (*Оглянувшись на дверь, подсаживается к Петьке. Указывая на букет*). С нашей клумбы сорвал?

ПЕТЬКА (*наливает*). Степаныч! Обижаешь! Ты же мне, можно сказать, как отец родной!

ИВАН. Петька, я не осуждаю. Я эти анкины цветы терпеть не могу, чихаю я всю жизнь из-за них. Я когда женился на ней, думал, что будет мне (*показывает*) вот такенную картоху выращивать и кабачки. Кто ж знал, что она только по цветочкам специалист! (*Чокаются.*) А все остальное мне самому придется сажать, да и то для несчастной морковки место свободное искать приходится между ее дельфиниумом культурным слева и горцем растопыренным справа!

ПЕТЬКА. Тогда признаюсь – спёр с вашей клумбы.

ИВАН. Молодец! Только по моей морковке больше не ходи.

ПЕТЬКА. Не буду, Степаныч.

ИВАН. Еще раз молодец. Не взяла, значит, букет-то?

ПЕТЬКА. Кобенится. Женские штучки эти - ой, Петька, противный ты, фу, ой, Петька, от тебя перегаром пахнет. Скоро это пройдет.

ИВАН. Помнится, ты и год назад так говорил.

ПЕТЬКА. Положим, не год. А одиннадцать месяцев всего.

ИВАН. Да не год, а, положим, почти два!

ПЕТЬКА. Ничего-ничего. Быстро только кошки рождаются. А я настойчивый. И красивый. Ну, с этим ничего не попишешь. Такой уж я. Я ей пока эти три месяца дом строю, чувствую, что мы сближаемся! Духовно! Даже рад, что у нее дом сгорел! Ну, в хорошем смысле этого слова... Еще месяцев девять потянем со строительством - и все, сразу сдастся, помяни мое слово! А лучше запиши, а то с памятью у тебя беда - второго мая...

ИВАН. Десятое сегодня.

ПЕТЬКА. Хорошо, десятого мая тридцать шестого Петр Ерохин торжественно поклялся добиться Галину Сергеевну... так, подожди, если сегодня не второе, а десятое, то что я целую неделю делал?

ИВАН. Пил.

ПЕТЬКА. Да? Тогда ладно. А то я думаю - куда ж целая неделя делась?

ИВАН. Вот, собственно, у меня вопрос к тебе по этому поводу, Петр.

ПЕТЬКА. Давай еще по одной.

ИВАН. Не-не, мне хватит. Хотя, давай. В общем, Петр, с какой, так сказать, целью ты, собственно, собрался, это, ну...

ПЕТЬКА. Степаныч, давай как-нибудь попроще, чего-то я не понимаю.

ИВАН. К Галке чего лезешь, говорю? С серьезными намерениями? Или так? Она нам как родная, с нашими Сашей, Антошей и Кирюшей в детстве по двору тут бегала, так что почти дочь, считай.

ПЕТЬКА. Степаныч, это тебя тетя Ань отправила с таким разговором?

ИВАН. А кто еще. Женить вас задумала, сводница старая.

ПЕТЬКА. Так, Степаныч, не оглядывайся.

ИВАН. Что, Анна сзади стоит? Все слышала?

ПЕТЬКА. Хуже. Тетя Степа мчится в нашу сторону.

ИВАН. Ох ты ж!

ПЕТЬКА. Надо имущество спрятать.

Петька прячет водку и стаканы.

Подходит тетя Степа.

СТЕПАНИДА. Привет местной алкашне!

ПЕТЬКА. И тебе не кашлять, тетя Степа!

СТЕПАНИДА. Слышали новости?

ПЕТЬКА (*быстро*). Да.

СТЕПАНИДА. Обо всем?

ПЕТЬКА. Обо всем.

СТЕПАНИДА. И даже про...

ПЕТЬКА. И даже про.

СТЕПАНИДА. А про...

ПЕТЬКА. И про это.

СТЕПАНИДА. А как же...

ИВАН. И про как же тоже.

СТЕПАНИДА. Откуда?

ПЕТЬКА. Отовсюду... понемногу...

СТЕПАНИДА. Это вам небось все Сонька-дура, тьфу на нее, наболтала. Она врет все, вы ей не верьте! Слушайте тетю Степу, у нее всегда самые последние и точные сведения. В общем, про выселение...

ПЕТЬКА. Какое еще выселение?

СТЕПАНИДА. Вот! А ты говоришь, все знаешь! А про самое-то главное ваша Сонька, тьфу на нее, и не рассказала! Меня, меня слушайте! Весь город, говорят, будут выселять, так что, говорят, надо собирать вещички!

ПЕТЬКА. Брехня, тетя Степ.

СТЕПАНИДА. Это у Соньки, тьфу на нее, брехня, а у меня всегда вся самая свежая информация!

ПЕТЬКА. Ну брехня же, брехня! Брехня, Степаныч?

ИВАН. Брехня.

СТЕПАНИДА. Сам ты брехня, алкоголик проклятый! И чего вам рассказывать, вы же не понимаете ничего, с утра шары залили и вперед! *(Пауза.)* Даме бы хоть предложили, что ли...

ПЕТЬКА. Силь ву пле.

СТЕПАНИДА. Чего?

ПЕТЬКА. Присоединяйся, говорю, дама. *(Достает стаканы и бутылку.)* А информация твоя брехня.

СТЕПАНИДА. Не брехня.

Степанида подсаживается, на ходу успеваает схватить один из стаканов и спрятать в карман.

ПЕТЬКА. Брехня. Скажи, Степаныч?

ИВАН. Брехня. А где мой стакан?

СТЕПАНИДА. А чего ты на меня смотришь?

ИВАН. Стакан мой тут стоял, а теперь нету.

СТЕПАНИДА. А я почем знаю, где ты свой стакан потерял?

ИВАН. Он тут стоял!

СТЕПАНИДА. Ну.

ИВАН. А теперь нету!

СТЕПАНИДА. А я при чем? Спроси у собутыльника своего.

ПЕТЬКА. Это вообще мои стаканы, зачем мне их у себя воровать?

СТЕПАНИДА. А кто вас, алкоголиков, знает? Вы и мать родную готовы дочиста обчистить ради бутылки.

ПЕТЬКА. При чем тут мать? Это мой стакан, я дал его Степанычу, Степаныч из него пил! Стакан стоял тут! А теперь его здесь нет!

СТЕПАНИДА. Да... вот так и жизнь наша - было-было, а теперь нету...

ИВАН. Ты, Степанида, зубы не заговаривай нам. Карманы лучше покажи.

СТЕПАНИДА. Еще чего!

ИВАН. Степанида, а ну выворачивай карманы.

СТЕПАНИДА. А я сейчас Анну как крикну, она увидит, что ты, Ванька, опять водку с утра глушишь, посмотрим, кто кому что вывернет.

ИВАН. Ха! Думаешь, я ее испугаюсь?

СТЕПАНИДА. Анна-а-а!

ИВАН. Ну, все, тихо-тихо, разоралась! Ну, чего сразу Анну-то? Потерял я, значит, где-то. Прости, Петр, должен буду стакан.

ПЕТЬКА. Зато я тетю Аню не боюсь. Давай, тетя Степ, показывай содержимое карманов.

СТЕПАНИДА. А то что? Обыск производить будешь? Так я не против. *(Игриво.)* Обыскивайте. Сопротивляться не буду, мальчишки. Натя, берите!

ПЕТЬКА. Тыфу на тебя! Забирай, что хочешь!

Детский дом.

Галя моет полы в спальне ушедших на прогулку мальчиков. На кровати под одеялом лежит Пашка, его пока не видно.

РАССКАЗЧИК. А вот наконец и я сам. Вон он я - лежу под одеялом на самой дальней кровати. Все мальчишки из нашего детского дома ушли на утреннюю прогулку, а я притворился больным, чтобы побыть с мамой Галей.

ПАШКА *(выглядывает из-под одеяла)*. Мам Галь...

ГАЛИНА. Что? Пашка, напугал. Ты чего не на прогулке?

ПАШКА. Я болею.

ГАЛИНА. Чем на этот раз?

ПАШКА. Кашляю.

ГАЛИНА. Что-то незаметно. А ну покашляй.

Пашка пытается с надрывом кашлять.

Не верю. Иди-ка на прогулку.

ПАШКА. Ну, мам Галь, ну пожалуйста. Я хочу с тобой.

ГАЛИНА. Паша, о чем мы с тобой говорили? Я тебе не мама.

ПАШКА. Галина Сергеевна...

ГАЛИНА. Молодец.

ПАШКА. Мам Галина Сергеевна, ну пожалуйста...

ГАЛИНА. Нельзя, Пашка. Опять и тебя, и меня ругать будут.

ПАШКА. Не будут. Никто не узнает. Сегодня один только Сан Саныч, а он с ребятами на прогулке. Пожалуйста...

ГАЛИНА. Хорошо. Бери тогда веник и помогай.

Пашка спрыгивает с кровати, берет веник.

Вместе работают – Пашка метет, Галина вслед за ним моет пол.

ПАШКА. Мам Галь?

ГАЛИНА. Паша...

ПАШКА. Галина Сергеевна...

ГАЛИНА. Что, Паша?

ПАШКА. Расскажи.

ГАЛИНА. Опять?

ПАШКА. Ага.

ГАЛИНА. Может быть, другое?

ПАШКА. Нет, хочу это.

ГАЛИНА. Это ты и сам знаешь лучше меня.

ПАШКА. Пожалуйста.

ГАЛИНА. Хорошо... Был на озере Светлояре город. Большой, красивый, все дома в нем были из белого кирпича сделаны. А в центре храм стоял с крестом сияющим. И жили там люди особенные. Никому зла не причиняли, соседям помогали, зла ни на кого не держали. Прослышал про этот город злой царь. Решил войско собрать и разорить город. Собрал тысячу воинов, окружили они город. Вышло из города войско. Царь убил всех воинов. Вышли из города женщины, взявши оружие. Царь убил всех женщин. Остались старики и дети. Видит царь - вышли все на стены города, но без оружия. С одной лишь молитвою. И услышал господь их молитву, и скрыл город под водой. И стал город невидим и иногда слышны по вечерам колокольный звон и тихие голоса. И только тот, кто чист душой, может увидеть под водой очертания улиц, домов, храмов.

Галина замолкает.

Пашка обнимает Галину.

ГАЛИНА. Пашка... ты чего?

ПАШКА. Просто так, мам Галь.

ГАЛИНА. Выпусти меня.

ПАШКА. Мам Галь...

ГАЛИНА. Отпусти меня. Отпусти! Андрюша!

Галина вырывается.

ПАШКА. Я Паша.

ГАЛИНА. Я знаю. Извини, Паша. Иди на прогулку.

ПАШКА. Но, мам Галь...

ГАЛИНА. Паша, иди на прогулку. Немедленно.

ПАШКА. Мам Галь, мне одеваться долго.

ГАЛИНА. Одевайся. Одевайся и иди на прогулку.

Пашка надевает штаны.

Я не могу тебя взять, не могу, Паша. Я вдова, я уборщица на трех работах, у меня дом сгорел, я у соседей живу. Пойми меня, Паша.

ПАШКА. Я понял. Ты просто не хочешь. У тебя есть Андрюша какой-то, да? Ну и оставайся со своим Андрюшей.

Пашка уходит, хлопнув дверью.

ГАЛИНА. Андрюша, прости его. Он не знает, не знает, Андрюша...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. И град той Большой Китеж на сто сажень в длину и в ширину, и бысть первая мера мало мѣсто. Повелѣ же благовѣрный князь Георгий еще на другое сто сажень прибавити в длину, и бысть мѣра граду тому в длину — два ста сажень, а в ширину — на сто сажень. И начаша же град той каменный строити в лѣто шесть тысяч шестьсот семидесят третье, месяца мая в первый день. И строитца град той три лѣта, и построиша его в лѣто 6676, месяца сентября в тридцатый день.

*И город тот, Большой Китеж, на сто сажень в длину и ширину был, и по первой мере было мало места. И повелел благоверный князь Георгий еще сто сажень прибавить в длину, и стала мера граду тому в длину — двести сажень, а в ширину — сто сажень. А начали город тот каменный строить в год шесть тысяч шестьсот семьдесят третий, месяца мая в первый день, на память святого пророка Иеремии и иже с ним. И строился город тот три года, и построили его в год шесть тысяч шестьсот семьдесят шестой, месяца сентября в тридцатый день.

Молога. Февраль 1937 года.

Дом Анны и Ивана.

Анна, Иван, Галина и Петька сидят за накрытым столом.

АННА. Ну, даже не знаю, что и говорить. Сейчас, подождите... с мыслями соберусь...

ГАЛИНА. Теть Ань, ну ладно вам... Как будто в другой город провожаете.

АННА. Привыкли мы к тебе, Галочка. Так было скучно без тебя жить. Мне и поболтать не с кем. Ванька сидит и молчит целыми днями. Или ерунду деревянную выпиливает.

ГАЛИНА. Я заходить к вам буду часто.

ИВАН. Не ерунду, а изделия.

АННА. Да кому нужны они, изделия твои? Проку от них никакого.

ИВАН. А петунии твои кому нужны?

АННА. Они нам двор украшают, болван.

ИВАН. А мои изделия дом украшают.

АННА. А твои изделия только пылятся и место занимают. (Галине.) Ты нам как родная стала, Галочка. И ты, Петька, нам тоже как родной. Оба вы нам как родные.

ГАЛИНА. Теть Ань...

ПЕТЬКА. Пусть говорит. Говори, теть Ань.

АННА. Как родные вы нам оба. И дети у вас бы красивые были.

ГАЛИНА. Тетя Аня!

АННА. А что? Я ничего. Умные были бы, как Галина, работающие, как Петр. Хотя ты, Галина, тоже работающая.

ПЕТЬКА. А я тоже умный.

ГАЛИНА. Вы тут сговорились все? Петька вас всех подговорил?

ПЕТЬКА. Вообще-то, это тетя Аня придумала.

АННА. А что? Что плохого? Ты, Галка, уже пять лет одна, как Витька умер, и Петька один, все бабы от него шарахаются. Хороший он парень, только поработать над ним надо, в оборот взять. Вы вот что думаете, Ванька у меня сразу такой тихий, мирный да почти непьющий был?

ИВАН. Был.

АННА. Воспитала я его! Выростила, можно сказать. С мужиками надо обращаться, как с грядкой, - поливай, корми то есть, но и воли не давай, сорняки все выдергивай из него. А там, глядишь, и вырастет из него какой-нибудь дельфиниум культурный или зигаденус изящный.

ПЕТЬКА. Не ругайся, теть Ань.

АННА. Это названия такие, Петя.

ГАЛИНА. Теть Ань, я вас сватовством заниматься не просила. Не нравится мне ваш Петька. Зачем меня заставлять? Мне и одной хорошо.

ПЕТЬКА. Да и ты мне, Галя, не очень-то и нравишься. Я так, от нечего делать.

АННА. Не слушай его, Галя, он нам совсем другое говорил.

ПЕТЬКА. Это вы на меня надавили, вот и пришлось ерунду болтать.

ГАЛИНА. Вот и прекрасно.

ПЕТЬКА. Отлично.

ГАЛИНА. Очень хорошо.

ПЕТЬКА. Лучше некуда!

ИВАН. Ну, за любовь!

В дом врывается Степанида.

СТЕПАНИДА. Срочные новости! О, смотрю, у вас праздник?

АННА. Галочку провожаем. Покидает она нас.

СТЕПАНИДА. Уезжаешь, Галочка?

ГАЛИНА. Ага. В дом через дорогу.

СТЕПАНИДА. Новоселье, значит, будет. Хоть на новоселье меня позовите, по-соседски-то. По-людски.

Степанида присаживается, наливает себе.

Ну, поздравляю тебя, Галка. Не гори больше.

ГАЛИНА. Спасибо, тетя Степ.

АННА. Степанида, вилку мою положи.

СТЕПАНИДА. Да я огурчик хотела зацепить.

АННА. Что за новости-то?

СТЕПАНИДА. А я тоже горела, помните? В тридцатом. Поджег меня кто-то. Как пить дать - поджег. Это Сонька, тьфу на нее, от меня избавиться хотела. Ничего, а я ей волосы подожгла. В тридцать четвертом. Месть, так сказать, ее настигла. Но сначала я на соседей грешила. Даже, признаюсь, на тебя, Анька, думала.

АННА. На меня?

СТЕПАНИДА. Ты не бойся, это предположения были. Вдруг ревность разыгралась, из-за Ваньки.

АННА. Чего?

СТЕПАНИДА. Было дело, было.

ИВАН (*встает*). За дровами схожу.

АННА. Сидеть!

ИВАН. А я, может, не хочу... (Садится.) Ладно.

АННА. И что же было?

СТЕПАНИДА. Что-что. Заглядывался на меня. Все знают.

АННА. Откуда?

СТЕПАНИДА. Да я сама всем и рассказала.

АННА. Ну, когда это ты на Степаниду заглядывался?

ИВАН. Не было такого.

СТЕПАНИДА. Было-было! Ты тогда дом строил Людке Ивановой, а я на работу в столовку шла, мимо ходила каждый день. Смотрел мне вслед, глаз оторвать не мог.

ИВАН. Я вдаль смотрел. На луга заливные.

СТЕПАНИДА. Видишь, Анька, помнит до сих пор. Ну, ты ничего, не переживай. Я в его жизни яркая вспышка. А что у нас молодежь кислая сидит? Чего не празднуем?

ПЕТЬКА. Тетя Степа, ты с новостями какими пришла?

СТЕПАНИДА. Там это... общее собрание в «Манеже». Важное какое-то. Всех зовут. Идти надо. Сейчас еще один огурчик зацеплю...

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Быст в лѣто 6747. Попущением Божиим грѣх ради наших прииде на Русь воевати нечестивый и безбожнѣй царь Батый. И разоряше грады и огнем пожигаше, церкви Божия такоже разоряше и огнем пожигаше же. Людей же мечю предаваше, а младых дѣтей ножем закалалаше, младых дѣв блудом оскверняше. И бысть плач велий.*

*Было же в год шесть тысяч семьсот сорок седьмой. Попущением Божиим, грехов ради наших, пришел на Русь войной нечестивый и безбожнѣй царь Батый. И разорял он города и огнем сжигал их, и церкви Божий тоже разорял и огнем сжигал. Людей же мечу предавал, а малых детей ножом закалывал, младых дев блудом осквернял. И был плач великий.

Все проходят в зрительный зал, садятся.

Входят Председатель Горисполкома Назаров.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Здравствуйте, товарищи. Тут пришел указ, я его зачитываю. (*Читает.*) «Указ о ликвидации Мологского района Ярославской области».

СТЕПАНИДА. О! Я так и знала! Станем москвичами!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Попрошу не перебивать. «В связи с предстоящим затоплением части территории Мологского района Ярославской области в районе строительства Рыбинского гидроузла – первое: ликвидировать Мологский район Ярославской области, присоединив входившие в его состав сельские советы: Бор-Дорковский, Гореловский и Жеребцовский – к Брейтовскому району, Займищевский, Истоманский и Погорельский – к Рыбинскому району и Веретийский сельский совет – к Некоузскому району. Второе: считать упраздненными город Мологу и сельские советы: Бабкинский, Кулигский, Леонтьевский, Новолокский, Рындинский и Становский. Председатель Президиума Верховного Совета РСФСР Абадоев». Все.

Пауза.

Такие вот дела, товарищи.

Пауза.

Может быть, есть вопросы? По переселению, по срокам?

ПЕТЬКА (*вскакивает*). Ну, и? Я чего-то не понял – ликвидация какая-то - шмиквидация, о чем разговор вообще? Чего нас собрали тут? Куда там отдают какие сельсоветы? Отвлекли нас от дел, чтоб рассказывать, что Брейтовский район захапал Гореловский сельсовет? Да пусть забирает, нам-то чего? Да в Гореловке одни скупердяи живут, поделом им! Подрядился как-то дом строить одному гореловскому, так он меня надул так, что я ему еще должен остался! Я, между прочим, дом наконец достроил Галине, невесте своей будущей, мы, между прочим, сидели праздновали, у нас, между прочим, еда остывает и водка греется!

Тетя Степа встает, шепчет Петьке на ухо.

Что? Мне тут сказали, что вы нас топить будете? Это как так?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Никто никого топить не будет. Всех выселят, подлежащие переносу дома будут перенесены.

АННА. А не подлежащие? У нас дом старый, старше нас будет!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Неподлежащие переносу дома не будут перенесены, а жители этих домов получают компенсацию! Вы поймите, это же польза всем нам! Будет электричество, будет судоходство!

ГАЛИНА. Подождите! Стойте! А что с детским домом?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Детский дом будет расформирован согласно плану. Еще вопросы?

ГАЛИНА. А детей куда? Из детского дома?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Частично - в Рыбинск. Еще вопросы?

ГАЛИНА. А частично - еще куда?

Все вскакивают со своих мест, начинают одновременно говорить, кричать, спрашивать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тихо, тихо, тишина! По плану большую часть домов мы планируем раскатать и спустить по воде до наступления заморозков! После наступления заморозков и до весны дома будут перевозиться на подводах! Выселенцам, то есть тех, чьи дома будут признаны ветхими, будет выплачена компенсация! Беспризорных, стариков будем распределять в инвалидные дома!

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. И был плач великий. Благоверный же князь Георгий Всеволодович, слышав обо всем этом, плакал горько. И, помолившись ко Господу и пресвятой Божией Матери, собрал свое воинство, и пошел против нечестивого царя Батыея с воинами своими. И когда вступили в сражение оба воинства, была сеча великая и кровопролитие.

В ту пору у благоверного князя Георгия было мало воинов, и побежал благоверный князь Георгий от нечестивого царя Батыея вниз по Волге в Малый Китеж. И долго сражался благоверный князь Георгий с нечестивым царем Батыеем, не пуская его в город свой.

Дом Анны и Ивана.

Все, кроме Степаниды, вернулись к праздничному столу.

Молчат.

ГАЛИНА. Петька... женись на мне.

ПЕТЬКА. Чего?

ГАЛИНА. Женись на мне. Это ради Пашки, хочу Пашку усыновить, это мальчик такой хороший в детском доме, а вдове не положено.

ПЕТЬКА. А, так...

ГАЛИНА. Его увезут скоро, слышал? Надо срочно жениться. Поженимся, я Пашку заберу, и разойдемся сразу, не волнуйся.

ПЕТЬКА. Ну, можно и не сразу.

ГАЛИНА. Ты согласен?

ПЕТЬКА. Я согласен.

АННА. Господи, радость-то какая!

ИВАН. Горько!

ПЕТЬКА. Поцеловаться можно?

ГАЛИНА. Нет, мы же понарошку женимся.

ПЕТЬКА. Ну, давай и поцелуемся понарошку.

АННА. Горько-горько!

ГАЛИНА. Тетя Аня, ну не надо...

ИВАН. Надо! Горько!

ПЕТЬКА. Галя, тут люди просят!

ГАЛИНА. Нет, я не согласна.

Петька подходит и целует Галину.

АННА. Вы посмотрите! Трех вилок нет! Степанида спёрла!

Двор улицы Свободы.

Рабочие ВОЛГОСТРОЯ разбирают дома.

КАПИТАН СТЕПАНОВ руководит работами.

ГОЛОС РАССКАЗЧИКА. В городе появилось много чужих людей. Они измеряли улицы, разбирали деревянные дома и взрывали каменные постройки. Говорят, что когда подрывали Богоявленский собор, то он сначала просто вздрогнул, взлетел на полметра и плавно опустился. Не знаю, правда ли это или легенда. Легенд о Мологе очень много, я и сам не знаю, что из них правда, а что ложь. Я этого не видел, я сидел целыми днями у окна и ждал маму Галю. Она собирала бумаги для усыновления, а я сидел у окна и смотрел, как постепенно исчезает мой город. Наш сиротский приют расформировали на месяц раньше, чем должны были. Всех детей посадили на телеги и повезли в Рыбинск. Я сидел с другими мальчиками и смотрел, как удаляется Молога и вместе с ней – моя мама Галя. Когда Молога скрылась за деревьями, я спрыгнул с телеги и побежал обратно. В Мологу. К маме Гале.

Двор улицы Свободы.

Капитан Степанов руководит разборкой дома Анны и Ивана.

Дома Галины уже нет.

Анна и Иван провожают Галину и Петьку.

ИВАН. Ну, езжайте.

ГАЛИНА. Я не поеду.

ПЕТЬКА. Да в Рыбинске уже твой Пашка.

ГАЛИНА. А если нет?

ПЕТЬКА. Найдем. Обещаю.

ИВАН. Ну, счастливого пути.

АННА. Да погоди ты, болван, дай с людьми попрощаться! *(Обнимает Галину.)* Ну, Галочка, береги себя! Петька, присматривай за ней!

ГАЛИНА. Теть Ань, вы не переживайте, мы скоро увидимся! Вы как устроитесь в Рыбинске, дайте знать. Вот мой адрес временный, пока дом не соберу заново. Вы когда переезжаете?

АННА. Завтра.

ИВАН (*одновременно с Анной*). Через месяц.

ГАЛИНА. У вас дом почти разобран, какой месяц?

АННА. Да не слушай дурынду этого, вечно он все путает. Завтра уже уедем. Нам даже машину обещали, на машине поедем. Да, Ванька?

ИВАН. Ага.

ГАЛИНА. А может, вместе с нами? Чего ждать!

АННА. Нет-нет, Галочка, у меня еще вещи не собраны. И Ванька свои изделия деревянные по всему дома раскидал. (*Рабочему.*) Это же цветы, куда прёшь? Совсем ослеп? Не трожь мои петунии!

Рабочие обрушивают стену одной из комнат.

Анна бросается к дому.

Да что ж вы делаете! Это дом мой! Ванька, скажи им! Что ж они делают-то! Это же детская!

КАПИТАН. Товарищ, вы давно должны были выселиться. Мы и так неделю вас только ждем.

АННА. Дайте хоть с людьми попрощаться! (*Возвращается к Галине.*) На вот, возьми кое-что.

ГАЛИНА. Деньги?

АННА. Компенсация за дом наш. Нам слишком много, бери себе.

ГАЛИНА. Нет, тетя Ань, я не могу.

АННА. Бери, тебе говорят. Нам они без надобности.

ГАЛИНА. Спасибо, тетя Ань. Я верну, обещаю.

АННА. И еще - Петька очень хороший.

ГАЛИНА. Теть Ань...

АННА. Ну ладно-ладно, просто запомни это!

ГАЛИНА. До свиданья!

АННА. Прощайте! Прощай, Галочка. Прощай, Петька. Не поминайте лихом.

Галина и Петька уезжают.

КАПИТАН (*Анне и Ивану*). Попрощались? Теперь с вами разберемся.

АННА. А что с нами?

КАПИТАН. У вас вещи не собраны, товарищ Киселева.

АННА. Откуда вы знаете? В окошко, что ли, заглядывали?

КАПИТАН. У вас половины стены нет, все и так видно.

ИВАН. А, может, мы налегке поедem.

КАПИТАН. Срок выселения - следующий месяц.

АННА. Ох, испугал, капитан. Мы воробьи стрелянные. У меня муж Зимний брал.

ИВАН. Вообще-то, не брал. Я мимо проходил.

АННА. Не скромничай. Брал Зимний, говорю.

КАПИТАН. Товарищ Киселева, вы меня вынуждаете. Мне придется подвергнуть вас насильственному выселению.

АННА. А сейчас у нас какое выселение? Добровольное, хочешь сказать, капитан? Заставили людей бросить дома, бросить все, что не помещается на телеги? А затопление у нас тоже, хочешь сказать, добровольное? У нас, у нас кто-нибудь спросил, хотим ли мы, чтобы вся наша жизнь под воду ушла?

КАПИТАН. Не я вас хочу выселить, не я вас хочу затопить, вы уж поймите.

АННА. Вань, ну скажи ты что-нибудь этому остолопу!

Иван молча уходит во двор.

Он подумать пошел. Всегда так. Сейчас придумает что-нибудь и вернется.

Иван возвращается с вилами, наставляет их на капитана.

ИВАН. Мы остаемся!

КАПИТАН. Ну вы-то куда, дедушка?

АННА. Правильно, Ванюш, правильно!

Подходит к Ивану.

КАПИТАН (*достаёт пистолет*). Я вынужден применить силу, как вы не хотите добровольно...

АННА. Ох-хо, убери свою пугалку, нашел кого пугать. Тебя как зовут, товарищ?

КАПИТАН. Степанов.

АННА. Имя у тебя есть, Степанов?

КАПИТАН. Анатолий.

АННА. Толя. Ты посмотри, Толечка, во-о-он туда. (*Показывает рукой вдаль.*) Что видишь?

КАПИТАН. Сад.

АННА. В том саду меня Ваня первый раз поцеловал. Убежал потом и две недели боялся на глаза мне показываться. Застенчивый был очень. А рядом что, капитан?

КАПИТАН. Школа.

АННА. Правильно, Толечка. Туда наши Саша, Антоша и Кирюша ходили, и я с ними вместе ходила, училась тоже. Безграмотная была потому что, а потом учиться пошла, профессию получила. С детства цветы очень любила, пошла в колхоз агрономом. Не взяли меня агрономом, но садоводничать научили. Цветы видишь? Всё моё. А вон там что? Там дома. Те дома мой Ванька сам построил. Собственными руками. А далеко-далеко там что? Что там, Толечка?

КАПИТАН. Кладбище.

АННА. А там наши Саша, Антоша и Кирюша похоронены. Все трое вместе, как в одно лето заболели, как умерли друг за другом, так и похоронили их вместе. А здесь что? Здесь двор, в котором наши Саша, Антоша и Кирюша играли, когда маленькие были. Я их вижу всегда, когда на крыльцо выхожу. Смех их слышу. А теперь скажи, капитан, куда нам идти? Все наше тут.

КАПИТАН. Приказ есть приказ.

АННА. Сказано тебе - мы остаемся здесь! Либо стреляй, либо проваливай, капитан!

КАПИТАН. Через неделю мы ваш дом полностью разберем. Тут ничего не будет совсем, голое поле, а скоро воду пустят. У вас есть неделя.

АННА. Ничего-ничего, все умрем когда-нибудь. Давай-давай, иди! И скажи там своему начальству, что семья Киселевых из Мологи не уедет! И клумбы мои не топчи, обойди по дорожке! А мы остаемся! Остаемся!

ВТОРОЕ ДЕЙСТВИЕ

По ржаному полю идет, опираясь на посох, монахиня.

Вода начинает прибывать, доходит монахине до колен, пояса, шеи.

Монахиня судорожно хватая ртом воздух, начинает тонуть...

Молога.

Утро следующего дня.

Анна и Иван спят.

Анна глубоко вздыхает, будто задыхаясь от нехватки воздуха, и просыпается.

АННА. Вань... Ваня... проснись... Мы еще живы.

ИВАН. Дай поспать хоть напоследок.

АННА. Да, проснись, дурында. Живы мы. И мне опять монахиня снилась. Тонет уже... За дровами сходи - помирать, так хоть в тепле. (*Прислушивается.*) Тихо! Слышишь?

ИВАН. В животе урчит.

АННА. Нет. Кто-то стонет.

ИВАН. Желудок мой стонет, еды хочет.

Анна идет по комнате, прислушиваясь.

Подходит к разобранной части дома.

АННА. Вот здесь вроде. Эй! Есть кто-нибудь?

СТЕПАНИДА. Помогите... помогите...

АННА. Ваня! Тут человек!

СТЕПАНИДА. Я тут... помогите... Анна, ты что ль?

АННА. Я. А ты кто?

СТЕПАНИДА. Степанида я. Тетя Степа которая.

АННА. Степанида! А ты чего это тут делаешь? Ванька, помогай!

СТЕПАНИДА. Шла я, значит, к телегам. Ой-ой, нога застряла!

АННА. Осторожнее, так, так...

СТЕПАНИДА. Вот, шла я уже к телегам и тут дунул сильный ветер и каааак занесет меня к вам в дом, ужас какой сильный ветер! Потом опять – кааааак дунет и я хватаюсь вот за штору, чтоб удержаться. Ну и повалилась на меня балка. Очнулась сейчас, думала, что нет уже никого!

Анна и Иван вытаскивают из-под бревен тетю Степу.

Степа держит в руке серебряный подсвечник.

ИВАН. А почему у тебя подсвечник в руке?

СТЕПАНИДА (*прячет за пазуху*). Дак это... шла я, говорю, к телегам. Ночью. С подсвечником. И тут – ветер кааак...

АННА. К каким еще телегам ночью? Все уехали засветло.

СТЕПАНИДА. А я почем виновата, что они уехали, а я не знала? Не дождались, значит, тетю Степу-то! Придется с вами уезжать.

АННА. А мы остаемся тут.

СТЕПАНИДА. Как это тут?

АННА. А вот так.

СТЕПАНИДА. А где? Все дома порушены!

АННА. В лес уйдем, будем там жить.

СТЕПАНИДА. Так вас же затопят!

АННА. Пусть топят.

СТЕПАНИДА. Вы что, эти, водоплавающие что ли? Или русалки? Воды не боитесь?

АННА. Не боимся. Мы уже ничего не боимся. Да, Ванька?

ИВАН. Я высоты боюсь.

АННА. Про высоту никто не спрашивал тебя, бестолочь. (*Присматривается.*) Ну-ка, ну-ка, Степанида, а покажи-ка мне этот подсвечник. Это ж наш!

СТЕПАНИДА. Не ваш.

АННА. Наш-наш! Там еще наш Кирюша нацарапал что-то снизу. Ему тогда годика четыре было.

СТЕПАНИДА. Нет там ничего.

АННА. Так покажи, если твой.

СТЕПАНИДА. Зачем же? Это личное.

АННА. Подсвечник?

СТЕПАНИДА. Да. У меня с ним связаны душевные переживания всякие, не могу с вами поделиться.

АННА. Дай, говорю, посмотреть.

СТЕПАНИДА. Не дам.

АННА. Ванька, держи ее и отбирай подсвечник.

СТЕПАНИДА. Не-не-не! Это личное!

Степанида убегает.

АННА. Ванька! За ней!

Анна с Иваном бегут за Степой.

Рыбинск.

Съемная квартира Галины.

Петька заносит в комнату вещи Галины.

ПЕТЬКА. Ну, вроде бы все.

ГАЛИНА. Да. Спасибо, Петя.

ПЕТЬКА. Да что там... не за что. Ну, я пошел... До свидания. Как-нибудь свидимся.

ГАЛИНА. Спасибо еще раз.

ПЕТЬКА. Ну, пойду я...

ГАЛИНА. Петь... Подожди. Посиди со мной. Немножко.

Петька садится.

Так странно... Мне по сих пор кажется, что это все сон... Когда у меня дом горел, я смотрела и думала: «Вот, сгорает вся твоя жизнь, Галя». Но даже тогда я знала, что еще не все потеряно, что дом можно заново построить, вещи купить. В детстве у меня полдеревни

белые сожгли, а потом пришли красные и сожгли другую половину. Мы с мамой с тех пор без дома жили.

ПЕТЬКА. У меня дом тоже забрали. И отца.

ГАЛИНА. Потом мама умерла, я Витьку встретила, появился дом. Андрюша родился. Все стало хорошо. А потом на Витю донес кто-то. Забрали его. Ночью это было. Постучали в окошко. Витю увели. И наш скот увели, у нас две курицы были и лошадь. Лошадь Чернушка. Она прямо во дворе паслась и жила в сарае. А следующей ночью - опять стук в окно. Я Андрюшу разбудила, завернула его в несколько одеял, - забирали без вещей, так хоть чтоб это было. И опять стучат. Я кричу: «Сейчас, сейчас», кофту застегиваю, а у самой руки дрожат. Дверь открываю - а там Чернушка наша стоит. Пришла к нам. От нового хозяина сбежала и дорогу к нам нашла.

ПЕТЬКА. Я запомнил, какой взгляд у отца был, когда его забирали. Покорный. Не возмущение, не страх, - покорность. Я к зеркалу подошел - и у меня такой же. Покорный.

ГАЛИНА. Мы пошли и Чернушку обратно отвели, к новому хозяину. Больше я ее не видела. А через месяц пришел документ - Витя умер.

ПЕТЬКА. Я тогда себе пообещал, что никогда такого взгляда у меня не будет. Что сопротивляться буду всем этим правилам... А сегодня в зеркало посмотрелся, а в глазах опять покорность.

ГАЛИНА. Меня с работы уволили, стали везде в мою сторону поглядывать, коситься. Знаешь, я про свой дом, когда он горел, подумала, - а вдруг поджег кто? Из тех, кто на улице косился? А потом сама себя отрубилa - нет, нельзя так думать, нельзя жить и подозревать в каждом поджигателя и врага, так с ума сойти можно. Одна тетя Аня всегда помогала, подсобила с работой в детском доме - хоть полы мыть, но работа все-таки. Где теперь она? Где теперь дядя Ваня?

ПЕТЬКА. Мы найдем их.

ГАЛИНА. И, знаешь, я больше не чувствую Андрюшу... В Мологе я всегда чувствовала, что он рядом, даже разговаривала с ним... Он сначала болел долго, лихорадка у него была, почти месяц лежал, а я сидела рядом с ним и разговаривала. Три года ему было. А умер он, - все равно говорила, говорила, говорила с ним. И представляла, что он мне отвечает. А потом стала и взаправду его слышать. А теперь нет его, не слышу. И никого нет. Пустота. Чужой город. И никого. Даже Андрюши.

ПЕТЬКА. Ты со мной говори. Если что. Я ведь муж твой как-никак.

ГАЛИНА. Ненастоящий муж-то.

ПЕТЬКА. Ну, какой есть. И тетя Аня со Степанычем скоро приедут.

ГАЛИНА. И где теперь Пашку искать? Он же маленький такой, испуганный. Не знает, где я, не знает, что я его ищу. Куда идти, к кому обращаться? Город большой, незнакомый. И ни одного родного лица нет. Не к кому в гости зайти, не у кого совета просить. Петька, страшно так. И взгляд у меня сейчас покорный, да?

ПЕТЬКА. Нет. Пашку мы найдем, я завтра пойду спрашивать.

ГАЛИНА. Вместе пойдем.

ПЕТЬКА. Вместе.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Благовѣрный же князь Георгий Всеволодовичъ, сия слышав, плакаше горко. И помолився ко Господу и пресвятѣй Божией Матери, собра вои своя, поиде противу нечестиваго царя Батыя с вои своими. И егда сразишася вои обои вкупе, бысть сѣча велия и кровопролитие.

Тогда у благовѣрнаго князя Георгия и бысть мало вой, побѣже благовѣрный князь Георгий от нечестиваго царя Батыя вниз по Волге в Малый Китеж. И много брася благовѣрный князь Георгий с нечестивым царем Батыем, не пущая его во град свой*.

*Благодарный же князь Георгий Всеволодович, слышав обо всем этом, плакал горько. И, помолвившись ко Господу и пресвятой Божией Матери, собрал свое воинство, и пошел против нечестивого царя Батыя с воинами своими. И когда вступили в сражение оба воинства, была сеча великая и кровопролитие.

В ту пору у благоверного князя Георгия было мало воинов, и побегал благодарный князь Георгий от нечестивого царя Батыя вниз по Волге в Малый Китеж. И долго сражался благодарный князь Георгий с нечестивым царем Батыем, не пуская его в город свой.

Лес.

Пашка бредет по лесу.

РАССКАЗЧИК. Я шел уже третьи сутки без еды. Почти окоченев от холода, я лег под деревом и впал в забытье, которое могло стать для меня вечным. Но вдруг то ли во сне, то ли наяву...

Из леса выходит Женщина в черном, похожая на монахиню из снов Анны. Женщина тормозит Паику, он просыпается.

Женщина берет Паику за руку, ведет в глубь леса.

Их силуэты пропадают.

Молога. Вечер.

Анна, Иван и тетя Степа сидят в засаде, сооруженной из наваленных бревен.

Иван держит веревочку от сооруженной ловушки.

СТЕПАНИДА. Вот дурачьё! Никакого потопа нету, обманули нас! Только зря дома порушили да людей выгнали! Уехали зря!

АННА. А кто-то тоже хотел убежать отсюда, в Рыбинск рвался.

СТЕПАНИДА. Так это я думала, что нас затопят! Я же плавать не умею, воды боюсь очень. В детстве чуть не утонула, воды по макушку было, я руками перебираю, прыгнуть пытаюсь, чтоб воздуха хватануть, а росту не хватает. Уже с жизнью попрощалась, с мамкой, с папкой покойниками, уж, думала, встречусь скоро. Парень соседский спас. А так получается, что теперь весь город наш, если эков не считать. Предлагаю выборные должности утвердить. Чтоб все чин чином. Я чур буду председателем. Кто за?

Степанида единственная поднимает руку.

ИВАН. Тихо вам! Засаду испортите!

СТЕПАНИДА. Единогласно! А за кем мы охотимся-то?

АННА. За призраком.

ИВАН. Это не призрак, я знаю.

АННА. Повадился кто-то рвать у нас с грядки морковку. И петунии мои обыкновенные топчет, гад. Ванька считает, что злоумышленник. Я считаю, что это ты.

СТЕПАНИДА. Я? Я? Я?!

АННА. А кто же? Спёрла подсвечник, сопрешь и морковку.

СТЕПАНИДА. Не пёрла я подсвечник! Клянусь тебе, Анна!

АННА. А где он тогда?

СТЕПАНИДА. Потеряла. Пока вы за мной бежали, выронила. Остановилась - хватать! - нету его нигде.

АННА. Ну, конечно. Выбросила его где-то. Или закопала. До лучших времен.

СТЕПАНИДА. Да почему если что, то сразу Степанида виновата? У вас тут полный город эзков, целый день туда-сюда ходят, дома разбирают, а морковку Степанида жрёт?

ИВАН. Да тихо вам! Нельзя женщин на охоту брать, все портите!

АННА. Я замерзла, пойду домой.

ИВАН. Нельзя! Мы в засаде! И одну я тебя в лес не пущу!

АННА. Ишь, раскомандовался!

ИВАН. Тихо! Прячься!

Прячутся.

Мимо под конвоем проходят рабочие ВОЛГОСТРОЯ.

СТЕПАНИДА. Вот и пожиратели морковки прошли, выбирай любого. Ты учти, Иван, что у меня кости больные, мне нельзя долго на ветру стоять. И так сплю, считай, что на земле. Ох, дожила я, бедная, живу в шалаше... одно радует, что избрана председательствовать...

АННА. Никто за тебя не голосовал. Если уж выбирать, то председателем будет Ванька.

СТЕПАНИДА. Это почему же?

АННА. Он единственный мужчина. И муж мой потому что.

ИВАН. Ой, идите вы обе отсюда! Никакие злоумышленники и близко не сунутся, когда вы орете на всю улицу!

Вдалеке показывается темный силуэт крадущегося человека.

Тсс! Вот он!

Силуэт приближается к грядке с морковкой.

Иван дергает за веревочку - злоумышленник попадает ногой в петлю.

Держи его! Держи!

В ловушке оказывается Пашка.

ПАШКА. Не бейте меня!

ИВАН. Вот! Вот он мой призрак! Я же говорил, он есть!

ПАШКА. Не бейте меня, я только одну морковку взял.

ИВАН. Это сегодня одну! Ты уже две недели тут пасешься, на моем огороде!

СТЕПАНИДА. И петунии Анькины топчешь!

ИВАН. Ну, готовься!

АННА. Тихо-тихо! Разорались! Мальчик, ты чей? Откуда?

ПАШКА. Я Пашка из детского дома. Ищу маму Галю.

ИВАН. Это ж мальчик Галкин!

АННА. Да, поняла и без тебя. Тебя Галина в Рыбинске ищет, а ты тут?

ПАШКА. Я сбежал. По лесу ходил.

АННА. Долго?

ПАШКА. Долго. Меня женщина вывела сюда.

АННА. Какая еще женщина?

ПАШКА. В черном такая.

СТЕПАНИДА. Ох ты ж, это же смерть ему привиделась.

АННА. Тьфу на тебя, Степанида! Какая еще смерть?

СТЕПАНИДА. Самая обыкновенная. С косой! У нее была коса, мальчик?

АННА. Степанида, не пугай ребенка! И Ваньку моего тоже! Видишь, побледнел!

ИВАН. Ничего я не побледнел.

АННА. И дрожит.

ИВАН. Не дрожу я ничего. Холодно просто.

АННА. Мальчик, ты голодный? Пойдем с нами, мы в лесу живем, тут недалеко.

СТЕПАНИДА. Погоди, Анька! Какой лес? Надо его сдать!

АННА. Куда?

СТЕПАНИДА. Куда надо. А то припишут нам похищение.

АННА. Это мальчик Галины, никуда я его не сдам! Мне Галя почти как дочь, значит, мальчик почти как внук! Мальчик, как, говоришь, тебя зовут?

ПАШКА. Пашка.

АННА. Вот! Внук Пашка у нас появился! Радость! А ты - сдать! Да мы тебя скорее сядим, чем его! Паша, можешь меня звать баба Аня, а дедуля, который от страха зубами клацает - это дедушка Ваня. А вот тетенька стоит, ее никак не зови, она скоро от нас съедет. Ей в лесу не нравится, она хочет НКВД-шникам сдаться.

СТЕПАНИДА. Чего ты так сразу - сдаться!

АННА. Хочешь в Волгострой попасть? Будешь вместе с другими собственный город расчищать, на бревнышки дома раскатывать, здания до фундамента по кирпичику разбирать. Или деревья пилить будешь. Хочешь?

СТЕПАНИДА. Я домой хочу.

АННА. Нет уже никакого дома, Степа. Ничего больше нет. Пойдем, Паша, мы тебя накормим. Любишь суп морковный?

Рыбинск.

Съемная квартира Галины.

Галина сидит у окна.

Стук в дверь.

ГАЛИНА (*вскакивает*). Заходи.

Входит Петька.

Ну? Нет, не говори, по лицу вижу. Не говори. Я утром сегодня шла на рынок. Навстречу мне женщина. И лицо у нее знакомое такое. Я ей - Молога? Она - да! Обнялись с ней и стояли плакали. А я весь день Мологу вспоминаю. Всех своих школьных подруг, - Машку, Катьку, двух Оль, двух Свет. Когда в Мологе жила, про них и не вспоминала, а теперь думаю - где они сейчас? Тоже потерялись где-то? Или это я потерялась и найтись не могу? Скажи, что нашел.

ПЕТЬКА. Нету. Не значится.

ГАЛИНА. А тетя Аня?

ПЕТЬКА. И тетя Аня, и дядя Ваня нигде не зарегистрированы и нигде не значатся.

ГАЛИНА. Как так может быть? Как можно человека потерять? Живого человека? А троих? Как же так - нигде не значатся?

ПЕТЬКА. Мы их найдем. Я дал объявления в газету.

ГАЛИНА. А если не найдем? Это я виновата.

ПЕТЬКА. Так, хватит этих бабских штук. Ну ты это... того самого... Не силен я в нежностях... Не кисни, ну! Мы что договорились делать? Бороться! Я целый месяц почти не пью, потом что решил, что выпью только тогда, когда мы их найдем! Хочешь сказать, я зря страдаю двадцать шесть дней и четыре часа?

ГАЛИНА. Нет.

ПЕТЬКА. Ну и все. Не надо тут воду разводить. Вещи собрала?

ГАЛИНА. Почти.

ПЕТЬКА. Я вот подумал - отметить надо все-таки твое новоселье. Ну, конечно, когда Пашку найдем. И тетю Аню со Степанычем. Сейчас - ни-ни. Или чуть-чуть?

ГАЛИНА. Петька...

ПЕТЬКА. Понял - ни-ни!

ГАЛИНА. Ты понимаешь, Паша просился ко мне, давно просился. А я не могла. Между нами всегда Андрюша стоял, я на Пашку смотрела, а видела Андрюшу.

ПЕТЬКА. А с мужиками?

ГАЛИНА. Что с мужиками?

ПЕТЬКА. Смотришь на них и видишь мужа-покойника?

ГАЛИНА. Нет.

ПЕТЬКА. Ну, это уже хорошо. Значит, у тебя не критичный случай. Жить можно. Я вот когда на женщин смотрю, твое лицо всегда вижу.

ГАЛИНА. Только когда на тебя смотрю.

ПЕТЬКА. Что?

ГАЛИНА. Его вижу только, когда на тебя смотрю.

ПЕТЬКА. Ага. Только я не очень понимаю - это хорошо или плохо?

ГАЛИНА. Никогда бы не подумала, что из всех людей только ты у меня останешься. Погаси свет.

ПЕТЬКА. Ты в каком смысле - это хорошо, потому что я твой муж, хоть и понарошку, поэтому ты и видишь его лицо, или потому что я на покойника похож? Или на мужа-покойника? Или просто на мужа? погоди. Что ты сказала?

ГАЛИНА. Погаси свет.

Молога. Лес.

В лесу из досок сооружено что-то среднее между шалашиком и конурой, в котором теперь живут Анна, Иван, Степанида и Пашка.

Иван что-то мастерит из полена, Пашка помогает.

АННА. А это, Степанида, шиповник, *gósa canína*.

СТЕПАНИДА. Кони́на? А конина тут при чем? Лошади его жрут что ль?

АННА. Да не «кони́на», а *canína*.

СТЕПАНИДА. Ты мне тут правописанием голову не забивай. Мы в школах не обучены.

АННА. Да название это, дурья башка.

ИВАН. А еще у нее смешные были цветы, как сейчас помню, - клопогон кистевидный и горец растопырчатый.

АННА. Не растопырчатый, а растопыренный.

СТЕПАНИДА. Умора, а не названия.

АННА. Затаптали там, наверно, мои петунии.

СТЕПАНИДА. Ой, смотрите, Ванькина морковка уже выросла!

Степанида наклоняется выкопать морковку.

Анна, а ну-ка посмотри.

АННА. Что?

СТЕПАНИДА (*тихо*). Посмотри, говорю. Землю потрожь.

АННА (*тихо*). Вода... (*Пашке, громко.*) Пашенька!

ПАШКА. Да, тетя Ань?

АННА. Пашенька, ты сходи за хворостом в лес, пожалуйста. Только недалеко.

ПАШКА. У нас есть, я утром принес.

АННА. Еще надо, Пашенька. Сходи, родной. Но недалеко только!

ПАШКА. Хорошо!

Пашка убегает в лес.

СТЕПАНИДА. Всё! Так и помрет тетя Степа, света белого не видимши! Раз уж помираем, признаюсь - воровала! Иногда, в виду крайней необходимости! С детства привыкла бедствовать, потом в столовку устроилась, там хлеб воровала, котлеты тоже, иногда даже суп в баночку заливала и воровала! Мамка у меня такая была, и бабка тоже, я не виновата, что в них пошла такая! Голод у меня вечный, руки сами лезут за чужой вещью!

АННА. Ванька! Ванька, слышишь? Вода подступает! Вода! Что делать будем?

ИВАН. Что-что - что решили, то и сделаем.

АННА. Точно?

ИВАН. Точно.

СТЕПАНИДА. Бежать надо! В город обратно! Пусть нас отправляют как-нибудь.

АННА. В город нельзя. Тогда и нас с Иваном найдут.

СТЕПАНИДА. А вы... остаетесь что ли?

ИВАН. А, может, и остаемся.

СТЕПАНИДА. Вы чего, дурачье? Уже вода идет! Топят нас! Вашу морковку и конину затопит вместе с вами! А если даже не затопит, то как вы зиму переживете? Зима скоро!

АННА. Мы один раз решили - и менять ничего не будем. Да, Ванька?

ИВАН. Да.

АННА. Но вам с мальчиком надо спастись. Мы уже давно совет по этому вопросу устроили, всё решили. Тянули только, надеялись, что не будет воды, и вы с нами подольше поживете. Вот чего придумали - Ванька вам лодку сделает и по воде пустит.

ИВАН. Не лодку, а плот.

АННА. Какая разница?

ИВАН. Лодка перевернется, а плот нет. Скорее всего.

СТЕПАНИДА. Да что вы мелете, сумасшедшие? Я ж плавать не умею, какой плот? А если он перевернется?

АННА. Ты слышала, что мастер говорит? Не перевернется.

ИВАН. Скорее всего.

АННА. Не слушай его. Плот тебе Ваня крепкий сделает, не утонешь. Он хоть и дурында, но дело свое знает. Спуститесь вниз по течению до Рыбинска, там найдете Галину, у Анны адрес есть. Мы это давно решили, Степа. Мальчика надо отвести к Галине, ты должна это сделать. Считай, с тебя должок за спасение из-под бревен. И за подсвечник.

СТЕПАНИДА. Не брала я подсвечник твой, привязалась. И не поплыву я, нашли тут водоплавающих!

АННА. Степанида, нет другого выхода. Мальчика Галине надо передать, прямо в руки.

СТЕПАНИДА. Не поплыву! Я пока еще не сошла с ума, как некоторые. И монахиня твоя недаром тебе снится - вдруг это про меня, вдруг это тебе про меня знак?

АННА. Откуда ты про монахиню знаешь?

Иван медленно встает и поворачивается в сторону леса.

Стоять.

ИВАН. Я за Пашкой приглядеть хочу, чтоб далеко не отходил. Вода прибывает...

АННА. Ты этой сплетнице про мой сон рассказал?

СТЕПАНИДА. Я не поняла, это про меня что ль?

ИВАН. Ну... как-то так получилось...

АННА. Да она ж меня теперь по свету сумасшедшей выставит! Надо мной весь город... *(Осекается.)*

ИВАН. Какой город? Мы в лесу. Нас тут четверо.

СТЕПАНИДА. Это я-то сплетница?

АННА. Все равно. Это не повод всем болтать про мои сны.

СТЕПАНИДА. А вдруг это знак? Вдруг монахиня - это на самом деле я и это мне предостережение, что я утону?

АННА. Ты-то - монахиня?

СТЕПАНИДА. А чем я не монахиня? Это ты просто начиталась книжку этой монахини, вот тебе она и снится, впечатлительная ты потому что. А на самом деле это мне знак! Мне! Чтоб я не плыла никуда!

АННА. Какая еще книжка? Я ничего не читала.

СТЕПАНИДА. Ой, ну что ты брешешь еще. Книжку пересказываешь почти слово в слово. Из нашего, из Леушинского монастыря, монахиня эта. Лет тридцать назад как померла, у нас в Леушино все про нее знают. И книжку ее все знают. Я, между прочим, эту книгу у знакомого дьяка еще в двадцатых спёр... позаимствовала, почитала. Думаешь, тетя Степа неученая. Я читать-то умею, между прочим, только не люблю.

АННА. Да сама ты брешешь!

ИВАН. Пойду Пашку поищу...

АННА. Стой! Тут жену твою обозвали лгуньей! Что ты будешь делать?

ИВАН. Я... ну... Пойду за Пашкой... А вот и Пашка... Ну я тогда просто так схожу, разведую...

Возвращается Пашка с охапкой хвороста.

Иван идет в сторону леса.

ПАШКА. Теть Ань, хватит столько до завтра?

ИВАН. Пойдем, Павел, еще поищем... чего-нибудь...

Уходят.

АННА. Ну, Степанида, что решаешь?

СТЕПАНИДА. Брешешь ты.

АННА. Я не про это.

СТЕПАНИДА. Все равно я права.

АННА. Что решаешь?

СТЕПАНИДА. Хоть привяжите меня тогда к плоту вашему, что ли. Не умею плавать я, говорю же.

ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Егда же бысть ночь, тогда благовѣрный князь Георгий изыде тайно из града того въ Большой град Китеж. На утрие же воста той нечестивый царь на град той с вои своими, приступом приступи и взя его. И всѣх поби и прирубил людей во градѣ том. И не обрѣте благовѣрнаго князя во градѣ том, нача мучити человека,

и немогий мук терпѣти повѣда ему путь. Той же нечестивый гнаше вслѣд его. И егда прииде ко граду тому, нападе на град той со множеством своих, и взя той град Большой Китеж, что на берегу озера Свѣтлояра, и уби благовѣрнаго князя Герогия месяца февраля в 4 день. И поеха из града того нечестивый той царь Батый. И послѣ его взяша мощи благовѣрнаго князя Георгия Всеволодовича.

И послѣ разорения того запусѣша грады тѣ, Малый Китежь, что на берегу Волги стоит, Большой же, что на берегу озера Свѣтлояра.

И сей град Большой Китежь невидим бысть и покровен рукою Божию, иже на конец века сего многомятежна и слез достойного покры Господь той град дланию своею. И невидим бысть по их молению и прошению, иже достойнѣ и праведнѣ тому припадающих, иже не узрит скорби и печали.

И не видим будет Большой Китежь даже и до пришествия Христова*.

*Когда же наступила ночь, тогда благоверный князь Георгий вышел тайно из этого города в Большой град Китеж. Наутро же напал тот нечестивый царь на тот город с воинами своими, приступил приступом и захватил его. И всех людей в городе этом побил и порубил. И, не найдя благоверного князя в городе том, начал мучить одного из жителей, а тот, не вытерпев мук, открыл ему путь. Тот же нечестивый погнался вслѣд князю. И когда пришел к городу, напал на него со множеством своих воинов и взял тот город Большой Китеж, что на берегу озера Светлояра, и убил благоверного князя Георгия, месяца февраля в четвертый день. И ушел из города того нечестивый тот царь Батый. И после его <ухода> взяли мощи благоверного князя Георгия Всеволодовича.

И после того разорения запустили города те, Малый Китеж, что на берегу Волги стоит, и Большой, что на берегу озера Светлояра.

И сей град Большой Китеж невидим стал и оберегаем рукою Божию,— так под конец века нашего многомятежного и слез достойного покрыл Господь тот град дланию своею. И стал он невидим по молению и прошению тех, кто достойно и праведно к нему припадает, кто не узрит скорби и печали.

И невидим будет Большой Китеж вплоть до пришествия Христова.

Молога.

Тетя Степа и Папка стоят на плоту, Иван и Анна провожают.

ИВАН. Ну, плывите.

АННА. Что ж ты, болван бессердечный, не скажешь речь что ли? Перед прощанием? Вот так вот - «плывите»? А я как помирать буду, скажешь мне «помирай»? И все?

ИВАН. А я, может, не хочу чувств своих показывать.

АННА. Нет уж, выньте-извольте! Последний раз с ними видимся, между прочим!

ИВАН. Ты первая давай.

АННА. Ну, Пашка и Степанида... что я хочу вам сказать... Вы живите, главное. Живите.

ИВАН. И вся речь?

АННА. Нет, не вся... Степанида, ты... ты главное семена не потеряй. Особенно петунии береги и азалии. И не промочи их, слышишь? Сама тони, а их не мочи! Редкие сорта, не найдешь потом нигде. А ты Паша, найди Галину, бумажку с ее адресом держи крепко. Ну... Плывите... Помогай, Ванька...

Иван с Анной отталкивают плот от берега. Маашут на прощание.

(Кричит). Эй! Степанида, а что там у тебя за пазухой?

СТЕПА. А?

АННА. Это подсвечник мой, что ли?

СТЕПА. Чего говоришь? Не слышно!

АННА. Ты подсвечник мой все-таки спёрла, что ли?

СТЕПА. Не слышуууу!

АННА. Ах ты, чтоб тебя! Ну, ничем ее не исправить!

ИВАН. Да ладно тебе...

АННА. Что ладно? Что ладно? Спёрла подсвечник и еще улыбается! Ну не стыдно?

Не стыдно?

СТЕПА *(кричит)*. Что? Да, и вам всего доброго!

АННА *(тихо)*. Да черт с тобой, плыви. Не нужен мне подсвечник.

СТЕПА *(достает из-за пазухи подсвечник)*. И я тоже подумала – зачем он тебе?

АННА. Ах ты!

СТЕПА *(кричит, размахивая подсвечником)*. Прощайте! Эге-гей!

Плот скрывается из виду.

АННА. Пойдем, Ванька...

ИВАН. А я, может, хочу еще постоять.

АННА. Да стой, дурында, кто тебе мешает? Только потом не жалуйся, что простудился. Лечить тебя никто не будет.

Иван идет вслед за Анной.

А ты же постоять хотел, чего за мной идешь?

ИВАН. А я, может, передумал.

АННА. Ну догоняй, дурында.

Медленно бредут в воде по щиколотку.

*ЖЕНЩИНА В ЧЕРНОМ. Обложили окаянные татарове
Да своей поганой силищей,
Обложили они славен Китеж-град
Да во светлый час, заутренний...
Ой ли, господи, боже наш,
Пресвятая богородица!
Ой, сподобьте вы рабей своих
Достоять им службу утренню,
Дослушать святое писание!
Ой, не дайте татарину
Святу церкву на глумление,
Жён, девиц - на посрамление,
Малых детушек - на игрище,
Старых старцев на смерть лютую!
А услышал господь Саваоф,
Услыхала богородица
Те людские воздыхания,
Христианские жалости.
И сказал господь Саваоф.
Свет архангеле Михаиле:*

*- А поди-ка ты, Михайло,
Сотряхни землю под Китежем,
Погрузи Китеж во озеро;
Ин пускай там люди молятся
Без отдыху да без устали
От заутрени до всенощной
Все святы службы церковные
Во веки и века веков!***

РАССКАЗЧИК. Тетя Степа замерзла – она отдала мне все теплые вещи и всю ночь обнимала меня, спасая от холода. Плот нашли на берегу в деревне за километр от Рыбинска.

ГАЛИНА. В руке Пашка крепко сжимал пакетики с семенами и записку с моим рыбинским адресом. Больше мы с ним никогда не расставались. Через два года началась война. Петю забрали на фронт. Когда он уходил, я посмотрела в его глаза - в них было много любви ко мне, к Пашке и чуть-чуть, совсем на дне - та самая проклятая покорность.

ПЕТЬКА. Во время войны гидроэлектростанция, построенная на берегу Рыбинского водохранилища, работала в полную силу и давала энергию Москве и тысяче других городов. Наша Молога помогала всем. Я пообещал себе, что больше никогда не буду покорным. Я дошел до Берлина и вернулся домой.

РАССКАЗЧИК. Каждый август мы приезжаем на встречу мологчан - я, мама Галя и папа Петя. Пока плывет теплоход, я смотрю в зыбкую даль Рыбинского моря и вместо воды вижу леса, поля, дома и людей, идущих по улицам. У всех этих людей знакомые лица, я помню каждого из них. Я ищу глазами и наконец нахожу их - Анну Григорьевну и Ивана Степановича. Они сидят рядышком. Она что-то рассказывает, а он ворчит и спорит. Как всегда.

Молога.

Лес.

По щиколотку в воде Анна и Иван сидят на бревнышке.

АННА. А мне, слышь, опять сон снился. Про монахиню в черном.

ИВАН. А в каком она еще может быть? В красном, что ль?

АННА. Ты слушать будешь или нет? Шла, говорю, она по полю, и опять его стала заливать вода. По колено сначала, потом по пояс, по шею. А монахиня все шла и шла. И вдруг - посох у нее в руках оказался.

ИВАН. Откуда?

АННА. А я откуда знаю? Это же сон, дурында! Так вот, уже почти утонула наша монахиня, но за посох держится. И тут – слушаешь меня? И тут голос с небес! Вода расступилась перед ней и исчезла, как не бывало. И пошла монахиня дальше, к монастырю своему. Домой пошла.

ИВАН. А голос-то ей что сказал?

АННА. А вот этого не расслышала. Плохо было слышно. Но что-то хорошее. Что-то хорошее...

Вода прибывает.

Конец.

2014 гг.

В пьесе использованы:

*«Легенда о Китеже» (Книга, глаголемая летописец, написана в лето 6646 (1237) сентября в 5 день)

** отрывок из романа «В людях» М. Горького.